

Проводы лета

Сашка открыл глаза, когда за окном уже всюю сияло октябрьское солнце. Он потянулся и осмотрел комнату. Настенные часы показывали десять утра. На столе уже, как и всегда, стоял завтрак, заботливо накрытый Вострухой вышитым полотенцем, чтобы не остывал. По выходным она всегда приносила завтрак, пока Саша ещё спит, и делала это тихо, бесшумно, а не как обычно по будням — с криком: «Доброе утро, юный ученик!»

Этот день был особенный, не как все предыдущие. Сегодня — пятница, тридцать первое октября, официальный выходной, установленный директором школы в честь праздника. Каждый человек и волшебное создание в усадьбе почему-то называли это торжество по-разному, по-своему. Всеслав Трисмегист в своей речи в классе назвал этот день Ноябрьские святки, домовихи Воструха и Марьямка готовились ко Дню Духов, а Витя Воронов называл тридцать первое октября Хелломус. Настя Коршунова, как всегда, вставила своё слово на уроке и сказала директору Всеславу, что это не «Ноябрьские святки», а праздник Самхейн. Единственное название, что было знакомо Саше, использовала его подруга Ламия — Хеллоуин. Это слово он слышал ранее, ещё живя с бабушкой, но никогда не знал, что этот день, а точнее — ночь, так чтима магами, колдунами и прочими волшебными существами во всём мире.

С момента разговора с земляной кошкой прошло уже почти три недели, две из которых были наполнены разговорами об этом празднике и том, кто как к нему будет готовиться.

Саша встал, умылся, оделся и принялся завтракать. Три сладкие ватрушки и какао ещё больше подняли и без того хорошее настроение. Как только он закончил трапезу, в комнате появилась Воструха.

— Доброго денька, юный ученик. С праздником вас, — домовиха поклонилась Саше, а после озарила его лучезарной улыбкой. И хоть зубы у неё были довольно кривые, но смотрелось это очень мило. Да и вообще сегодня она выглядела по-другому. Воструха впервые за всё время расплела свою косичку и аккуратно причесалась. На голове у неё был пышный венок из дубовых листьев, а свою красную рубаху она подпоясала ярким разноцветным кушаком. От старого вида остались только коклюшки, висевшие у неё на шее и, как всегда, тихонько побрякивавшие при каждом её движении.

— Это ты в честь праздника так нарядилась, да? — спросил Саша, не в силах скрыть улыбку.

— Да, точно так. Праздник-то великий, раз в год только бывает, карнавал и танцы. Я и дом украсила, могу и вам подобрать костюмчик.

— Нет, Воструха, спасибо. Как-нибудь в своём похожу. А как ты дом-то украсила?

— А пойдёмте, покажу! — домовиха метнулась к двери и распахнула её. В комнату ворвался холодный воздух.

Саша вышел из домика и обомлел. Вся крыша была усыпана разноцветными листьями. Вокруг двери развешены косички, сплетённые из колосьев пшеницы. В них кое-где были вплетены цветы хризантем, а на самой вершине крыши красовалась тыква. Рядом с дверью на стене появился металлический крюк, на котором висела корзина, полная наливных яблок. Перед домиком стоял круглый деревянный столик, а на нём — множество свечей. Судя по их расположению, они должны были создать некий рисунок, но так как пока не были зажжены, было непонятно, какой именно узор сделан из свечей.

— Это ты ж где столько листьев-то чистых нашла в конце октября? — удивлённо спросил Саша, разглядывая разноцветную крышу.

— Понятно, где — на деревьях. К празднику-то готовимся загодя, вот я и собрала листочки в сентябре да хранила до сего дня.

— Ну ты, Воструха, прям дизайнер, — Саша восхищённо посмотрел сначала на свою домовиху, а потом опять на украшения дома.

— Кто-кто? Что за нечисть эта ваша дизайнера? — переспросила домовиха.

— Ну, это человек такой, он украшает всё, всякую красоту изобретает, ну вот как ты сегодня.

— А-а-а, но, — Воструха задумалась немного, — я же не человек!

Саша уяснил, что домовихе ещё пока сложно даётся понятие «дизайнер», и перевёл тему.

— Расслабься, Воструха, ты молодец! Это главное! Очень красиво всё придумала.

— Спасибо. Я старалась для вас, юный ученик.

— Только вот скажи, Воструха, а почему тыква не со зловещей мордой? Ну не вырезаны в ней ни глаза, ни зубы? — Сашка показал пальцем на крышу, где находился овощ.

— А зачем это? Мы же не пугать кого-то собрались. Это праздник, конец лета, начало зимы, торжество вечной жизни! При чём тут монстры-то? — домовиха во все глаза вопросительно смотрела на мальчика.

— Привет, Саш, — он обернулся. Недалеко стояла Ламия. — Ты Воструху не мучай, это современная традиция в Европе да Америке — морду злую вырезать и глаза подсвечивать. В нашем празднике тыква символизирует плодородие. Она большая, сочная и сладкая, а не монстр.

— Понятно. Привет, Лам. Просто ты говорила, что этот праздник называется Хеллоуин, ну вот я и подумал...

— Это я так назвала, чтобы тебе понятнее было. На самом деле всё-таки «Ноябрьские святки» или День Духов нам как славянским колдунам ближе.

— Во-во, и я говорю — День Духов! — Воструха важно произнесла эти слова, подняв указательный палец вверх.

Ребята засмеялись. Всё-таки молодая домовиха была очень забавная.

— Ещё есть одно название этого праздника — Русалия. Осенние Русалии идут с сегодняшнего дня целую неделю.

— Вот бы и выходные семь дней длились, — мечтательно произнёс Сашка.

— Тебе лишь бы отдыхать, соня, — с улыбкой произнесла девочка.

— Лам, и твоё жилище украсили? — спросил Саша, указывая на соседний дом.

— Да, тоже. Немного по-другому, конечно, но похоже.

Подойдя поближе к домику Ламии, Саша увидел точно так же украшенную разноцветными листьями крышу, но на этом сходство заканчивалось. По стенам домика было закреплено множество чёрных свечей, которые так же, как и на столе у Сашкиного дома, представляли собой узор или какую-то букву. По сторонам от двери были расставлены снопы связанных колосьев пшеницы, а на них лежали тыковки, на которых стояли свечи. На вершине крыши дома сидел огромный паук, сплетённый из веток.

— Ну как же Ламия — и без монстра, — сказал Саша, указывая на крышу. — Ты уже и домовиху своей любовью к страшилищам заразила, раз она такое сплела?

— Саш, ну красиво же, посмотри, восемь лапок, восемь глазок, пушистый — это самое чудесное создание на планете, а уж какое древнее...

— Всё, всё, я понял. Тебя опять занесло в пучину паучьей любви, — перебил её Сашка, так как о пауках Ламия готова говорить часами, а ведь могла ещё и Сократика, своего домашнего птицееда, вытащить погулять.

— Да ну тебя, ничего ты не понимаешь, — она отмахнулась от него. — Ладно, я буду готовиться к празднику. Давай до вечера, увидимся.

— Да, Лам, конечно, — Саша отправился к себе, но он толком и не знал, как именно готовиться и что будет на празднике.

Зайдя в дом, он обратился к домовихе:

— Вострух, а вот скажи. Ну все готовятся к празднику, а что будет-то? Что мне делать надо?

— Так я же говорила: карнавал, танцы. Костюм вам нужно какой-нибудь праздничный, — Воструха оглядела Сашу с головы до ног. — Принести?

— Ну, я не знаю. Давай принеси, я посмотрю.

Не успел Сашка договорить фразу, как домовиха уже щёлкнула пальцами и исчезла. Через несколько минут она появилась вновь со свёртком в руках.

— Вот костюмчик вам, юный ученик, — она развернула бумагу и выложила на кровать штаны, рубаху, верёвочный пояс и сапоги.

Такую одежду Сашка только на картинках видел и в музее. Так одевались в восемнадцатом веке, наверное.

— А вот ещё деталь одёжи — картуз! — Воструха в руках держала неизвестно откуда появившуюся фуражку с огромным красным цветком сбоку от козырька.

— Ой нет. Спасибо, Воструха, но это не моё. Ну не могу я надеть эту древность. Я современный человек, мне лучше попроще, маска какая-нибудь у тебя есть? А одежда моя будет, повседневная.

— Ну как знаете, как знаете, — огорчённо проямлила домовиха. — Вот такая подойдёт?

Она хлопнула в ладоши, и в руках у неё оказалась зажата карнавальная маска-очки чёрного цвета с железными клёпками вокруг глаз.

— Вот, вот это самое то. Спасибо тебе, Воструха. А костюм отнеси, не надо мне его.

— А картуз тоже не возьмёте, юный ученик? С маской недурно будет выглядеть.

— Нет, спасибо. Я верю, что будет хорошо, но я боюсь, уши замёрзнут, ночью же праздник всё-таки, — слукавил Саша, лишь бы не обидеть домовиху полным отказом.

— Ну, как знаете, — произнесла Воструха, собрала вещи и исчезла.

Александр померил маску. Она была сделана, как будто для него: прекрасно смотрелась и удобно держалась на голове при помощи резиночек. Теперь ему осталось только дожждаться семи часов вечера, начала этого праздника. И чтобы скоротать время, он решил почитать книгу, а после обеда прилечь поспать, так как впереди его ждала долгая ночь, если верить в то, что говорили последнее время все в школе.

Без пяти минут семь в дверь постучали. Саша уже был практически готов: полностью одет, но только без маски. Открыв, он увидел на пороге Ламию Лафатер. У Саши просто пропал дар речи. В дверях стояла маленькая ведьма, которая выглядела и мрачно, и прекрасно одновременно. Она была в незастёгнутом плаще, из-под которого виднелось бархатное платье с рюшечками. Кружевные перчатки были с открытыми пальцами, поэтому Саша смог заметить покрытые чёрным лаком ногти. Даже губы Ламия накрасила помадой угольного цвета. Она раньше никогда не делала макияж, но к этому празднику подготовилась основательно. Чёрные губы и подведённые глаза выглядели очень

контрастно и зловеще на бледном лице Ламии. Завершала образ блестящая серебряная заколка в виде паука с синими глазками. Паучок как будто зажимал своими лапками локон её волос.

— Ты так и будешь меня разглядывать или пойдём всё-таки на праздник? — засмутившись, произнесла Ламия.

— А, да. Просто я никогда не видел такую вот одежду, поэтому засмотрелся.

— Я заметила. А я вот так с детства хожу, в чёрных одеждах, и мне это очень нравится и к лицу.

— Ну так ты же потомственная ведьма! — Саша заулыбался и надел свою маску. — А я тебе как?

— Пойдёт, хотя, конечно, у тебя мало что изменилось. Совсем не подготовился к ночи духов, — Ламия улыбнулась, и ребята вышли на улицу. Они направились на поляну перед разноцветным шатром — торговой лавкой Алмаза. Там и должно было происходить всё действие.

Свечи на столике у Сашкиного домика уже были зажжены, и их огни представляли собой печатную литеру А в круге.

— Интересно, что вложила в это Воструха, какой смысл? Это первая буква моего имени или... — Саша не смог договорить свой вопрос. То, что он увидел на доме Ламии, полностью завладело его вниманием. Её жилище было всё освещено горящими свечами, из огоньков которых сложилась на стене огромная руна, та самая, какая была выгравирована на рукоятке её жезла. Саша не знал, что она означает, но в темноте это выглядело очень эффектно.

Друзья шли дальше по тропинке и рассматривали окрестности. Дома Виктора и Насти были тоже украшены листьями и пшеницей, яблоками и тыквами, но такой огненной красоты, как у домика Ламии, не было ни у кого. Вот наконец показался шатёр лавки турка Алмаза. Около него собралась уже довольно приличная толпа домовых. На полянке горели несколько больших костров, вокруг которых были установлены столики со стульями, за некоторыми уже сидели педагоги. Саша и Ламия заметили Виктора. Он был один за столиком у дальнего костра и махал им рукой. Ребята направились к нему.

— Привет, я вам места занял, — радостно произнёс Витя.

— Спасибо, но почему ты у дальнего костра? Мне кажется, вон там будет самое веселье, — Ламия показала на два горящих костра и толпу домовых, стоящих рядом с ними.

— Там будут танцы, а здесь, вон посмотри, будет ритуал. По-моему, это гораздо интереснее. Да и всегда можно сходить и туда, если уж так захочется.

Едва ребята уселись, как из ниоткуда возник директор Всеслав Трисмегист, как и подобает могущественному колдуну. Он поднял руки вверх, все сразу замолчали и только треск горящей древесины в кострах нарушал тишину.

— Друзья мои! Сегодня знаменательная ночь для всех нас, большой праздник! Мать-природа умирает, чтобы воскреснуть в Велик День, пятого апреля. Сегодня начало Колдовского Нового года! В сию ночь врата в потусторонний мир открыты! И как бы вы ни называли празднество — Святки, Самхейн, День Духов, Ночь Велеса или бог его знает ещё как — смысл неизменен. Мы провожаем лето и встречаем зиму, почитаем наших давно умерших предков и просто веселимся! — после этих слов колдун ударил посохом о землю, и в центре каждого столика заблестели огоньки, как будто горели невидимые свечи. Они просто висели над деревянными поверхностями, а их пламя танцевало в воздухе.

Всеслав ударил посохом о землю ещё раз, и на полянке заиграла музыка. Невидимый оркестр начал исполнять весёлые зажигательные мелодии. Сашка крутил головой, пытаясь понять, откуда именно идёт звук, где спрятались исполнители, но так ничего и не нашёл. Музыка была повсюду.

Директор ударил посохом в третий раз, и вокруг него загорелась земля. Он оказался в большом огненном кольце, а у самых его ног стоял котелок, в котором также горел огонь.

Ко всем гостям стали подходить домовые, поднося угощения. К ребятам подбежали Воструха, Марьямка и ещё одна, которая Сашке была не знакома: они водрузили на стол большое блюдо с наливными яблоками, обильно политыми мёдом, кувшин с яблочным соком, огромную булку белого хлеба и кусочки печёной тыквы.

— Угощайтесь, юные ученики! — уже на бегу крикнули домовихи, все трое устремились обратно к своим собратьям.

— Вить, третья это твоя была? — Спросил Сашка.

— Да моя, её Велиморка зовут, — ответил Виктор и откусил кусок тыквы.

Через несколько минут все домовые и другие магические существа школы начали водить хоровод под музыку вокруг двух огромных костров. Иногда кто-нибудь из них с криком выбегал из общего танца и с разбегу прыгал через высокое пламя, потом все снова брались за руки, и действие повторялось. Некоторые домовые не прыгали, а медленно пританцовывая проходили между двух костров. Все остальные участники хоровода хлопали в ладоши, улюлюкали и всячески поддерживали смельчаков.

Саша посмотрел на директора. Тот продолжал стоять в круге огня, явно занимаясь каким-то ритуалом. Он то и дело что-то шептал, поворачивался и делал всевозможные пассы посохом.

— Ну а что мы сидим-то? Вы что, есть сюда пришли? — воскликнула Ламия. — Айда туда!

Она схватила за рукава мальчишек и потащила их в сторону костров.

— Ну что вы как неживые-то, ребят? Все вон как веселятся! — с этими словами она отпустила их и побежала с визгом навстречу костру. Вот она уже влетела в высокое пламя, Саша с Витей переглянулись, улыбнулись друг другу и тоже со всех ног побежали в сторону горящего костра. Только оттолкнувшись от земли, Сашка зажмурил глаза и закричал во всё горло. Языки костра дотрагивались до него, облизывая одежду. Ему сразу же стало тепло, а через долю секунды он уже стоял с другой стороны.

— Круто, да, Саш? Я ещё хочу! — почти кричала от восторга Ламия.

— Да, пойдём! Я тоже! Давай попробуем между костров, как домовые? — крикнул Витя.

— Да-а-а!

Сашка ещё не успел прийти в себя от полёта, а его друзья уже, танцуя, вышагивали между костров.

— Ламия! Ты это, горишь! — Сашка указывал пальцем на платье девочки. Танцуя, она слишком сильно раскрутилась, рюши на подоле попали в пламя и тихонько тлели.

— А, ой, спасибо! — она потушила платье, послынявив пальцы и приложив их к огонькам на ткани. — Супер! Честно, никогда не думала, что до такой степени прикольно прыгать через огонь! Ведь обычно колдуний-то сжигали, поэтому костёр — не самое лучшее для ведьмы.

Прыгнув через костёр ещё по несколько раз, друзья, смеясь, пошли к своему столику немного подкрепиться. По дороге они поздравили всех педагогов и даже Настю, которая с недовольным лицом сидела вместе с профессором Баюном и жевала тыкву. Она так этому удивилась, что даже подавилась и закашляла, но после поздравила в ответ всю компанию.

Ребята, немного перекусив и попив сока, снова отправились в гущу событий праздника.

Танцы были в самом разгаре: все прыгали, кривлялись, кричали, хохотали. Во время одного из танцев Сашка споткнулся и рухнул на землю. Он ударился коленом, правда, не сильно, но решил несколько минут отдохнуть и посидеть за столом. Ламия с Витей проводили его до места и побежали дальше придаваться веселью.

— Извини.

— Что? — Сашка повернулся и увидел Настю. — За что?

— Это я заклинанием тебя, ну, упал ты из-за меня, — она опустила глаза. — Я хотела поговорить с тобой наедине.

— Ну вот, мы одни. Но честно, могла бы просто подойти, а не ронять меня, — с улыбкой сказал Саша.

— Почему вы все меня сегодня поздравили? — спросила Настя.

— Ну так праздник же, а мы всё-таки в одном классе, да и просто веселье, хорошее настроение.

— Но вы особо-то со мной не водитесь.

— Настя, по-моему, это ты с нами не водишься вообще. Даже вон с Виктором поссорилась.

— А что, ты бы стал со мной дружить?

— Почему нет-то, Настя? Почему нет?

— Как бы, ну, наши семьи не особо ладили всегда.

— Ну так это когда было-то? Да и вообще, я о спорах между нашими семьями не знаю ровным счётом совсем ничего. Настя, если хочешь, давай дружить, — Сашка встал и протянул ей руку.

Анастасия посмотрела на протянутую ладонь, потом взглянула в глаза Александру и пожала её так крепко, как смогла.

— Я не считаю тебя предателем магии, уже больше не считаю. Всеслав Борисович со мной разговаривал, многое мне рассказал. Мне, и папе моему, и даже маму вызывали. Директор какие-то документы показывал, свитки, записи. Родители сказали, что твоя бабушка не виновата ни в чём, как оказывается. Они посоветовали наладить с тобой отношения.

— Добро пожаловать в наш круг друзей! — воскликнула Ламия. Настя и Саша вздрогнули от неожиданности: они не заметили, как подошли одноклассники. — Правда всегда побеждает и от истины на душе легче, так моя бабушка говорит.

Девочка тоже протянула руку Насте, и та её незамедлительно пожала. Потом настал черёд примирения с Виктором. Но только Анастасия протянула руку, как раздался гром, музыка сразу стихла. Все на полянке перестали танцевать и смотрели в сторону огненного круга, в котором находился Всеслав. Даже большие костры, казалось, стали гораздо меньше и тусклее. Саша посмотрел на директора, тот ударил посохом о землю, и снова раздался раскат грома. Котёл, стоявший рядом со Всеславом, поднялся в воздух, но там уже не было огня, он был полон горячих красных углей. Третий раскат грома на полянке разлетелся тогда, когда Всеслав стукнул посохом по котелку. От удара тот полетел в сторону, опрокинулся, из него высыпались все угли и легли на траву, словно дорожка, уходящая вдаль, а в конце дорожки воздух как будто превратился в плёнку: он стал видимым и не совсем прозрачным. За этим маревом явно что-то было.

— Сегодня наши юные ученики пройдут через портал за грань и познают потусторонний мир! Анастасия Коршунова! Прошу ко мне! — прогремел в ночи голос директора.

Настя медленно, оглядываясь на всех, подошла. Всеслав что-то ей сказал на ухо, она немного задумалась, ещё раз оглянулась и посмотрела на Сашу, а потом, зажмурив глаза, с криком побежала прямо по горячим углям и исчезла в портале. Все присутствующие на полянке издали возглас удивления. Через минуту Настя вышла: она была вся в слезах и, не останавливаясь ни на секунду, закрыв лицо руками, убежала в сторону домиков учеников.

— Александр Горшков! Прошу ко мне! — вновь прогремел голос директора.

Саше хотелось убежать куда-нибудь, а не пойти в круг огня, но выбора не было, поэтому на ватных ногах он двинулся в сторону Всеслава. Поравнявшись с директором, Саша смотрел ему в глаза с надеждой, что тот объяснит что-нибудь, и почему Настя выбежала в таком состоянии.

— Просто пройди по углям, а там за гранью тебя ждёт нечто захватывающее, — на ухо Саше прошептал Всеслав.

Сашка посмотрел на мутный воздух в конце огненного пути, глубоко вздохнул и побежал. Перед самым порталом он закрыл глаза, и тут же его лицо обволокло чем-то похожим на мыльный пузырь. Вокруг сразу стало темно. Он словно был невесомым и бежал по воздуху, не чувствуя, что наступает на что-то, просто перебирал ногами. Вдруг вспыхнул ослепительный свет, через мгновение он очутился на земле. Саша прошёл сквозь портал.

Открыв глаза, он увидел то же самое место — полянку, но выглядело всё по-другому. Костров не было, лавка Алмаза тоже куда-то пропала, а главное — всё вокруг стало в сером цвете. И деревья, и неизвестно откуда появившаяся высокая трава — всё было цвета дождевой тучи. На небе не было ни луны, ни звёзд, а воздух был на удивление тёплым. Саша огляделся вокруг: яблони, лес и трава, всё как летом, с листочками и цветами. Но, кроме растительности, ничего больше не было в этом странном мире.

Вдруг среди яблоневого сада загорелись две искорки. Они росли, явно приближались к месту, где стоял Сашка. Вот огоньки уже стали похожи на силуэты двух людей. Светящиеся мужчина и женщина приближались к Александру. Силуэты парили над землёй, они состояли то ли из некоей дымки, то ли из газа, были очень похожи на библиотекаря, госпожу Кальку, только светились. И внезапно Саша узнал призраков. Это его родители, точно такие, как на фото у бабушки дома! Разглядывая фотографии, он тысячу раз представлял, как находится вместе с ними, но вот они рядом, и он не знает, что делать.

— Мама? Папа? — наконец смог выдавить из себя Александр.

Призраки заулыбались и утвердительно кивнули головами. Сашка кинулся их обнимать, но его руки схватили лишь воздух. От неожиданности он пролетел сквозь привидений и упал на траву. Мама и папа захохотали, но совершенно бесшумно. То, что им смешно, можно было понять только по их виду. Сашка, сидя на траве, тоже смеялся, но вместе с этим у него ручьём текли слёзы.

Вдруг он почувствовал спиной, что его кто-то тянет в сторону портала. Попытался сопротивляться невидимой силе, но ничего не выходило, его тянуло обратно. Время пребывания в потустороннем мире подошло к концу. В последний миг, перед тем, как снова погрузиться за грань портала, он услышал громкий голос. Призрак матери изо всех сил открывал рот и пытался кричать. Некоторые слова вырывались в полной тишине и лишь читая по губам, можно было понять их, а некоторые звуки громко разносились в потустороннем мире. Мама предостерегала сына: «Саша, берегись чёрной руки! Слышишь? Берегись чёрной руки!» Вновь настало ощущение невесомости, а в следующую секунду он уже стоял перед порталом и смотрел на костры праздника.

— Александр, сойди с углей! Сойди! — кричал Всеслав.

Саша пришёл в себя, и так же, как Настя побежал в сторону своего домика. Сейчас он точно ни с кем не хотел ни общаться, ни что-то объяснять. Он желал только одного — закрыться дома, спрятаться ото всех и зареветь.

Серьёзный разговор

Ночь после встречи с призраками отца и матери Саша перенёс очень плохо. Сон был прерывистый, тревожный. Ему снились страшные сны про родителей. Автокатастрофа, которую никогда не видел, похороны, в которых не участвовал и не мог помнить, другие тому подобные сны о его страхах и переживаниях прошлого. Проснувшись от очередного кошмара в холодном поту, Саша посмотрел на часы. Стрелки показывали семь утра, и он решил больше сегодня не засыпать. Через некоторое время в центре комнаты материализовалась Воструха:

— А, юный ученик, не спите уже, не хотела вас разбудить.

— Это не ты, Воструха, я сам проснулся. Завтрак принесла, да?

— Точно так, завтрак. Оладушки со сливовым джемом и какао, ммм... — домовиха втянула в себя аромат из кружки.

— Спасибо, большое спасибо.

Воструха поставила поднос с едой на стол, поклонилась и исчезла, но через мгновение вернулась.

— Вот я забывчивая коза! Запомнила передать, что вчера после праздника директор Всеслав объявил всем каникулы. Следующий раз ученикам за парты только десятого ноября, вот.

— Круто. Спасибо, Воструха, — без особой радости произнёс Сашка.

— Это не всё, юный ученик. Всеслав ещё сказал, что вы должны явиться к нему сегодня в десять часов утра в кабинет для серьёзного разговора.

— А о чём разговор будет, он не передал? — настороженно спросил Саша.

— Неа. Сказал, чтобы явились, и всё, — Воструха щёлкнула пальцами и растворилась в воздухе.

Саша вздохнул и принялся завтракать.

Без четверти десять Сашка вышел из домика и отправился к главному зданию.

Пройдя пару-тройку шагов, он услышал, как его кто-то зовёт.

— Саша, Саш, подожди! — Ламия кричала от своего крыльца, одновременно закрывая дверь.

Через несколько секунд она уже стояла рядом с ним.

— Ты куда, Саш?

— Я к Всеславу. Он меня вызвал на разговор какой-то.

— Странно, но меня тоже. К десяти часам к нему в кабинет.

— Да уж, действительно странновато. Ну пошли, Лам, а то опоздаем.

Друзья поспешили в главное здание школы навстречу серьёзному разговору, Сашка хотел спросить у подружки, как закончился её проход через портал в потусторонний мир, но он не решался. Ведь если она ответит, то и ему придётся рассказать о том, что с ним приключилось, а он пока не мог, точнее, не хотел говорить об этом. Надо всё обдумать, понять, а уже потом рассказывать друзьям. После этой мысли он решил вовсе сегодня не спрашивать у Ламии о её приключении в мире духов. Вскоре Саша заметил директора, гуляющего в яблоневом саду. Он медленно прохаживался между деревьями, осматривая уже совершенно голые ветки.

— Лам, смотри! — Саша указал пальцем в сторону Всеслава.

— Пошли подойдём к нему. Может, нам и не надо в кабинет-то.

Ребята медленно, с опаской подошли к тому месту, где стоял Всеслав Борисович, боясь вырвать его из мыслей посторонним шумом.

— А-а-а, друзья мои, доброе утро! Хорошо, что вы меня увидели. Так не хочется идти в кабинет, когда такая прекрасная погода. Так тихо сегодня, безветренно, я обожаю тишину, ребята.

— Да, Всеслав Борисович, действительно прекрасная погода для первого ноября. А о чём таком серьёзном вы хотели с нами поговорить? — спросил Саша.

— Ах да, есть у меня к вам, молодые люди, предложение. Как вы знаете, сейчас я объявил каникулы до десятого числа.

— Да, домовихи передали, Всеслав Борисович, — сказала Ламия, которая, как теперь оказалось, тоже вчера ушла с праздника раньше этого объявления.

— Я предлагаю вам, ребята, поехать в одно очень интересное местечко для закрепления пройденного материала и изучения нового. Так сказать, выездные уроки, — Всеслав загадочно улыбнулся и потрогал ветку яблони.

— А где это местечко интересное? — спросил Александр.

— Под Екатеринбургом, — ответил старый маг.

— То есть... — у Сашки начали расширяться глаза. Он догадался, куда предлагает ехать директор. — Мы поедем изучать место преступления и искать доказательства? Ловить преступников?

— Совершенно верно, Саша. Но, конечно, не ловить преступников. Это опасное дело, не для детей, а вот место преступления действительно осмотрим. Как я обещал, вы будете в курсе событий, да и просто полезно проведём время, если, конечно, у вас нет других планов.

— Нет! Никаких планов нет, — в один голос восторженно крикнули ребята.

— Только вот, Всеслав Борисович, — произнесла Ламия, — а Витя и Настя с нами поедут? Им тоже, наверное, будет ужасно интересно.

— Я бы с радостью взял и их, но сегодня с утра и Анастасия, и Виктор уехали на каникулы домой, поэтому приглашаю только вас, ребята. Но если вы тоже уезжаете к родным, то... — профессор не успел договорить.

— Нет, нет, Всеслав Борисович, поехали в Екатеринбург. Это точно гораздо интереснее, чем каникулы дома. Правда, Лам?

— Да, я полностью согласна!

— Прекрасно друзья мои, прекрасно, тогда будьте готовы. Завтра в это же время поедем на вокзал.

— То есть мы на поезде поедем? — удивился Саша.

— Да, Александр, на поезде. Ведь на помеле или на кочерге вы, ребята, летать не умеете ещё вроде как, — заулыбался директор, — а парящую мазь вам ещё рановато принимать. Поэтому поедем, как обычные людины, на автомобиле до вокзала, а далее — на поезде Москва–Екатеринбург.

— Всеслав Борисович, — произнесла Ламия, — то есть, нас когда-то научат летать на помеле? Мы будем летать, серьёзно?

— Правда, Ламия, сушая правда, но только не в этом году. В одиннадцать лет рановато, так как это травмоопасно, но летать обязательно будете, вы же ведьмы и колдуны, в конце концов, — Всеслав засмеялся, и ребята тоже, глядя на директора. — Вот, собственно, и весь серьёзный разговор, который я хотел с вами провести, молодые люди. Идите отдыхайте, набирайтесь сил. Завтра нас ждёт увлекательное путешествие на поезде через полстраны и приключение в Екатеринбург.

— Ура! — Сашка не мог сдержать своей радости.

Поездка

Сашка постучал в дверь домика Ламии.

— Привет, Саш, — радостно воскликнула она, открыв дверь.

— Ты что, ещё не готова? Через пятнадцать минут выезжаем же!

— С чего ты взял? Я полностью готова! Пошли, — она вышла на улицу и захлопнула дверь. С собой у неё был маленький пластиковый чемодан чёрного цвета. — А ты что, с собой не взял ничего в багаж?

Сашкины вещи и гигиенические принадлежности уместились в небольшой полиэтиленовый пакет, который он держал в руках и незамедлительно показал Ламии с улыбкой.

— А мне много вещей не надо. Ладно, пошли! Знаешь, я прям чувствую, что это будут лучшие осенние каникулы в моей жизни.

— Ты так думаешь?

— Ну уж точно круче всех каникул, которые у меня были раньше, — Сашка засмеялся.

Подходя к зданию школы, ребята заметили машину, припаркованную прямо у крыльца, таких они не видели никогда. Очень странная конструкция: хоть и похожа на современный автомобиль, но и старостью от нее тоже разило. Огромные задние фары залезали на бока машины, на капоте над хромированной решёткой радиатора красовался железный логотип, очень похожий на зубец кремлёвской стены в Москве. Глядя на него, Сашка подумал, что с таким знаком это точно не «Мерседес». У каждой задней двери висела ещё одна эмблема, на которой уже точно был изображён Кремль, точнее, Спасская башня, а на багажнике прикреплено слово «Калита». Заглавная «К» была очень красиво украшена завитушками, а остальные буквы — просто прописные.

Разглядывая неизвестную марку машины, Сашка не заметил, как из здания вышел директор.

— Что, Александр, понравился агрегат?

— Ну, честно, Всеслав Борисович, странно выглядит эта машина. Я таких не видел.

— Это, мой юный друг, автомобиль завода «Москвич», а модель называется «Иван Калита», в честь князя Московского назвали, который в четырнадцатом веке правил здесь. Таких машин было выпущено всего тридцать три штуки, пока завод не закрыли в две тысячи первом году. Но ты прав — дизайн данного железного коня довольно странноватый, — директор заулыбался. — Несмотря на всё это, нам придётся на нём поехать на вокзал.

— Это такси? — удивилась Ламия.

— Вообще-то это моя личная машина, — ответил Всеслав, — но сегодня она будет нашим такси с персональным водителем. А вот и он.

Из-за здания школы вышел странноватого вида человек. Невысокого роста, с длинными, как будто влажными, волосами и ужасно недовольным лицом. Когда мужчина подошёл поближе, Сашка разглядел у него на щеках пятна грязи, а в волосах — пару сухих листьев берёзы. Костюм, в который был одет незнакомец, явно ему не принадлежал: он был на пару размеров больше, это точно, а главное — под пиджаком не было рубашки, вообще ничего не было. Костюм был надет на голое тело, да и на ногах не было туфель. Странный дед стоял босиком на холодной земле.

— Познакомьтесь, — Всеслав указал рукой, — это наш многоуважаемый банник по имени Шишок. Он нас довезёт до вокзала, проводит и отгонит машину обратно, так ведь, дорогой?

— Ага, всенепременно, — с явной злостью и ужасно скрипучим голосом ответил банник.

— Ну раз ага, тогда поехали! — Директор хлопнул в ладоши, и все двери машины распахнулись. Саша увидел, что салон автомобиля кожаный и тоже красного цвета, как и вся машина.

Когда все уселись и пристегнулись, директор скомандовал: «Трогай!»

Немного повозившись с ключом зажигания, Шишок завёл «Калиту», и вся компания отправилась в путь.

Двумя колёсами по булыжной дорожке, а двумя по ещё мокрой от ночного дождика траве автомобиль подъехал к portalу в заборе. Проход был гораздо больше обычного и уже открыт. Шишок надавил на газ и на полной скорости вылетел из усадьбы на шоссе Энтузиастов, вызвав несколько неодобрительных сигналов от автомобилистов, которых подрезал. Сашка оглянулся: портала уже не было видно, только зелёный забор и старое

ветхое строение с уже потерявшим листву садом за ним. Никакого намёка на усадьбу Трисмегиста.

Несмотря на то, что машине уже было как минимум четырнадцать лет, ехала она очень мягко и не сильно шумела. Всеслав Борисович нажал на какую-то кнопку на передней панели, и в салоне заиграла приятная музыка.

— Послушаем несколько произведений, сыгранных на арфах. Вы не против, ребята? Друзья отрицательно замотали головами.

Дорога до вокзала заняла почти час. Сашка даже успел задремать немного. Из сна его вырвал банник:

— Остановка «Казанский вокзал». Ваш поезд в одиннадцать двадцать, поспешайте, а то опоздаете, — своим скрипучим голосом объявил Шишок.

— Спасибо, дорогой, — сказал Всеслав. — Машину в гараж поставишь. Прикажи, чтобы её помыли. Быстрее, ребята, у нас двадцать минут до отправления. Александр, помоги Ламии с чемоданчиком.

Компания быстрым шагом отправилась на перрон, у которого уже стоял поезд. Вагоны были красного цвета с толстой бежевой полосой у самой крыши, а на этой полосе было прикреплено слово «Урал».

— А вот и наш вагон номер тринадцать, — произнёс Всеслав и протянул билеты и ещё какие-то бумаги мужчине в серой форме и фуражке.

Проводник внимательно всё изучил, посмотрел на Сашу, потом на Ламию и спросил у неё:

— Значит, вместе с педагогом изучать пещеры и животных планируете?

— Да, да, — произнесла Ламия и утвердительно закивала головой.

— Добро пожаловать в наш фирменный поезд «Урал» и счастливого пути! — торжественно сказал проводник и отдал документы директору.

Протиснувшись по узкому проходу в середину вагона, Всеслав открыл дверцу и пригласил ребят зайти.

— Прошу вас, располагайтесь. Выбирайте себе любую полку, все четыре места в купе наши.

— Но нас же трое, Всеслав Борисович, — заинтересовалась Ламия.

— А вдруг приспичит поколдовать? Людинам такое видеть ни к чему, поэтому куплены билеты на все четыре места, — с улыбкой произнёс директор. — И да, кстати, забыл сказать, твои родители, Ламия, и бабушка Александра предупреждены о поездке и

дали согласие, потом обязательно поведайте им всё, что мы увидим и узнаем. Я думаю, им тоже будет жутко интересно.

Как только директор закончил свою фразу, поезд отправился, плавно, почти неслышно.

— Ой, ой, мы поехали! — восторженно крикнула Ламия и уставилась в окно.

— Да, действительно. Давайте перекусим в честь этого важного события, — Всеслав достал из своей дорожной сумки скатерть-самобранку и постелил на столике. Не успел он её разглядеть, как на ней появилась тарелка макарон с майонезом. Директор чуть не вляпался в неё рукой.

— Ой, извините, Всеслав Борисович. Это я представил, уж очень кушать хочется, — смущённо пробормотал Сашка.

Все дружно засмеялись, и вот уже на столике начали появляться другие яства, представленные Ламией и Всеславом.

Когда все основательно подкрепились, директор убрал скатерть и сказал:

— Ехать нам в общей сложности двадцать девять часов. Я с вашего позволения немного посплю.

— А мы тогда наверху будем, Всеслав Борисович?

— Хорошо.

Саша мигом забрался на верхнюю полку и уставился в окно, за которым пробежали деревья, дома, люди, стоящие на пригородных платформах. Сашка впервые в жизни ехал на поезде в купе, да ещё и так далеко. Он был просто счастлив. Ламия расположилась на полке напротив и раскрыла книгу. Друзья переглянулись и заулыбались.

На всех длительных стоянках Сашка выходил из поезда и рассматривал вокзалы, платформы и иные постройки, которые мог увидеть. Он пытался запомнить все детали, расспрашивал профессора о городах, в которых они останавливались. Всеслав рассказал и ответил на все вопросы о Муроме и Казани, Красноуфимске и Сергаче, пояснил всё, что было интересно, о городе Агрыз.

Двадцать девять часов пролетели практически незаметно под приятные беседы, вкусные угощения, а также крепкий сон. Вот наконец проводник вагона заглянул в купе и объявил, что через десять минут конечная остановка «Екатеринбург пассажирский». Сердце Саши забилось быстрее обычного в предвкушении приключений и разгадок всяческих тайн. Он, как и Ламия, прильнул к окну, разглядывая проносящиеся за ним здания старого российского города, столицы Урала.

Поезд постепенно замедлял своё движение, пока совсем не остановился. Всеслав скомандовал:

— На выход, друзья! На перроне нас должен ждать человек.

Сойдя с поезда, Саша увидел, что пальто Ламии немного испачкалось.

— Погоди, дай я отряхну. Тут вот у тебя что-то прилипло, — он нагнулся и, показав ей пятно, начал его вытирать. Через пару секунд Сашка увидел старые, грязные и рваные ботинки, появившиеся рядом с Ламией. Он поднял глаза и посмотрел на обладателя этой ужасной обуви — мужчину лет тридцати в потёртых грязных джинсах, пиджаке из меха лисы и вязаной шапочке, которая сильно облегала его голову. Пуговицы мехового одеяния были растёгнуты, под ним виднелась футболка с рисунком волка. Подошедший выглядел весьма экстравагантно.

— Познакомьтесь, ребята, это Антоний, но можно называть и просто Антон. Он нам здесь всё покажет и расскажет, — представил встречающего Всеслав.

— Здравствуйте, дети, — с улыбкой на уставшем лице выговорил Антоний.

— Здравствуйте, — выпрямившись, поприветствовал его в ответ Саша, а Ламия просто кивнула.

— Пойдёмте, господа, нас ждёт ещё одна поездка, — он указал рукой направление, взял чемодан Ламии и пошёл вперёд.

Выйдя из здания вокзала, Саша принялся разглядывать окрестности. Его очень привлекло красивое, большое и явно старинное здание с крышей, разукрашенной, словно у кукольного домика, в красно-белые ромбики. Рядом с ярким зданием, на площади перед ним, находилось несколько памятников, расставленных в разных местах: мужчина с трёхколёсным велосипедом в руке, а его супруга катит чемодан, женщина с кувалдой идёт по рельсам, рабочий что-то объясняет начальнику.

— Красиво, да? — спросил Антоний у Саши, заметив, что его заинтересовали скульптуры. — Это у нас в городе музей Свердловской железной дороги.

— Понятно, да, очень красивое здание, — ответил Саша.

Пройдя ещё несколько десятков метров, все остановились перед старинной водонапорной башней.

— Ну вот, наше средство передвижения здесь, — Антон указал пальцем в забор.

Сашка подумал, что машина стоит за бетонной преградой, но тут же заметил что-то едва уловимое. Воздух как будто колыхался, его было видно, словно очень прозрачная вода стояла рядом с забором. Саша не успел ничего спросить, как Антон подошёл и открыл невидимую дверь в этой «воде». В открывшемся проходе виднелись кожаные диваны и полки для чемоданов.

— Поскорее, друзья, прошу, входите в дилижанс, пока кто-нибудь не заметил, — Антоний явно был взволнован и озирался по сторонам.

Войдя внутрь, Саша и Ламия были поражены пышной красотой. Стены дилижанса были покрыты красным бархатом с золотыми узорами в виде корон, а у каждого мягкого кожаного дивана было резное окошко. Когда все расселись по своим местам, Антон дёрнул за жёлтый шнурок с кисточкой, висевший в углу, послышался звон колокольчика, и сразу за этим раздался стук копыт и звук деревянных колёс.

«Дилижанс — это своего рода старинная карета, просто в неё умещается больше народу, как в маршрутке, — подумал Саша, — невидимый волшебный древний автобус».

За окошком проносились машины, которым совершенно не мешал дилижанс, как и они ему. Карета как будто двигалась в своём волшебном измерении, причём с довольно приличной скоростью.

— Ну что ж, ученики, нам ехать ещё пару-тройку часов до места назначения, а потом нас ждёт ужин и отдых в гостеприимном доме Антония.

— Всеслав Борисович, а когда мы уже на место поедим?

— Завтра с утра, Саша, всё завтра. Время у нас есть. Да и это дело не терпит спешки, надо всё скрупулёзно разбирать с чистой неуставшей головой.

— Вот, вот! Правильно! Я ему всегда говорю, что спешить не надо, необходимо всё обдумывать и просчитывать, — сказала Ламия и, показав язык Сашке, воскликнула: — Торопыга!

Все в дилижансе засмеялись. Саша не обиделся на Ламию, она полностью была права.

Через два с половиной часа дилижанс остановился, и дверца сама открылась. Саша вышел первым. Перед ним стояло деревянное двухэтажное строение, справа — сарайчик, слева — колодец, а вокруг — ели и сосны. Дом находился прямо в чаще леса, лишь узкая дорожка, по которой они приехали сюда, напоминала, что недалеко есть ещё поселения других людей.

— Если пойти по дорожке, то придёшь в посёлок Горный, а вот сюда пойдёшь, — Антоний показал в сторону деревьев, — прямо и не сворачивая, выйдешь к реке Исеть.

— Спасибо, Антоний, но не сегодня, — вступил в разговор Всеслав. — Завтра мы туда и отправимся. А сейчас, с дороги, я не прочь испить квасу и попариться в баньке.

— Баня за домом, сейчас затоплю, а квас в кухне. Проходите, вы же всё знаете здесь, не первый раз же в гостях.

— Это ты прав, не впервой я тут. А супруга твоя где? В кухне?

— Нет, Всеслав Борисович, уехала по делам в Каменск-Уральский. Когда вернется, не знаю, не говорила.

— Жаль, хотел бы я и с ней пообщаться. Ну ладно, пошли, ребята.

Перед входом в дом Сашка оглянулся, но дилижанс так и остался невидим, а ему так хотелось посмотреть, какой он снаружи.

— Наши комнаты наверху, ребята. Идите занимайте любые, а потом спускайтесь на ужин.

Начало расследования

Саша проснулся в мягкой кровати на пуховой подушке под толстенным одеялом. Вчера после ужина он сходил в баньку, и его там так разморило, что сразу после неё, поднявшись к себе, уснул до утра. Сашка принялся разглядывать всё вокруг. В помещении была только кровать, прикроватный коврик, тумбочка и двустворчатый шкаф. Это была именно гостевая комната. В каждом углу под потолком висели на верёвках связки лука и чеснока. Над входной дверью, прибитая гвоздями к брёвнам, находилась большая подкова, а на самой двери был прикреплён веник из веточек берёзы и дуба. Саша встал, подошёл к окну, чтобы раскрыть занавески. Когда он это сделал, то заметил, что в одной из них была закреплена большая английская булавка.

— Столько всего тут странного, — сказал вслух Саша.

В дверь постучали.

— Эй! Ау, давай на завтрак. Все готовы уже в путь, а ты ещё не ел, соня, — Ламия осторожно приоткрыла дверь и подмигнула ему.

Он стремительно оделся, спустился, быстро запихал в рот булку и запил её квасом. На ходу застёгивая школьное пальто, Саша буквально вылетел на крыльцо, где его уже все ждали.

— А вот и наконец, наш главный детектив, — шутливо сказал Всеслав. — Теперь все в сборе. Веди нас, Антоний. Сначала давай к порогу Ревуну, а там и до пещеры.

Хозяин дома указал своим посохом между елей и пошёл первым в лесную чащу, Саша и Ламия — за ним, а замыкал всю процессию Всеслав Борисович.

В лесу была тишина, только хруст веток из-под ног нарушал её. Пасмурное небо словно тяжёлым грузом лежало над лесом и облаками касалось вершин елей и сосен. Пробираясь всё дальше в глушь, Саша слышал странный шум, как будто рёв раненого животного где-то очень далеко, но с каждым шагом звук становился ближе и сильнее. Посмотрев на Ламию, он понял, что и девочка слышит это.

— Антоний, а что доносится такое, как будто лев рычит? — спросил Саша.

— А, уже слышали. Это он, Ревун. На реке порог есть, не знаю, как вам объяснить, скоро увидите. Там вода стремительно течёт, бьётся о камни и скалы, звук такой издаёт, словно зверь, а речку Исетью зовут, но это я уже вчера говорил.

— Порог Ревун на реке Исеть, — сделала вывод Ламия.

— Совершенно верно, сейчас увидите, скоро выйдем к нему, — произнёс Антоний, — а там недалеко и до нашей цели останется.

По мере приближения, рёв нарастал, становился гораздо сильнее. Теперь уже Саша слышал именно звук воды, бегущей среди камней. Впереди сквозь деревья пробивался более яркий свет — выход из леса был уже совсем близко.

— Какая красота! — громко сказал Всеслав, когда все дружно вышли на берег бурлящей реки. — Природа просто чудесна! Наслаждайтесь, ребята, в городе этого уже нет давным-давно.

После этих слов директор глубоко втянул носом прохладный свежий воздух и так же с силой его выдохнул. Ламия и Саша сделали то же самое вслед за директором, у Сашки даже немного закружилась голова. Как будто поняв это, Антоний сказал:

— Аккуратнее, воздух здесь так насыщен кислородом, что может и голова закружиться. Нам этого не надо, скалы всё-таки, ненароком упасть да ногу сломать можно, а то и голову. Пойдёмте лучше, немного осталось до пещеры.

Произнеся это, Антон сильно упёрся в посох, как будто проверив прочность земли под ногами, и пошёл дальше вниз по течению. Сашка двинулся следом, но всё не мог отвести глаз от реки. Бурлящий поток огибал огромные валуны, лежащие посреди течения и мешавшие прозрачным водам спокойно протекать. С шумом и брызгами Исеть праздновала победу над камнями и скалами. Он так засмотрелся на это великолепие, что не заметил, как тропа повернула, и остутился. Ламия подхватила его за руку, а Всеслав молниеносно нацелил свой колдовской посох на него — ещё секунда и было бы заклинание, спасающее от падений, но всё обошлось.

— Я же говорю, аккуратнее, это скалы, упасть очень легко, костей потом не соберёте, — довольно спокойно произнёс Антоний и после небольшой паузы добавил: — Как дети, право.

— Прошу прощения, задумался, — Сашка извинился и, уставившись под ноги, продолжил движение вперёд.

— Вот она! Смолинская! — Антон указывал своим посохом на огромную зияющую дыру.

— Ого! — не сдержав изумления, сказал Сашка. Он впервые видел вход в настоящую пещеру.

Скала как будто раскрыла свой каменный огромный рот, который ждал опрометчивых путников. Казалось, как только туда войдёшь, громадина оживёт, захлопнет

свою раскрытую пасть и насытится глупыми неосторожными людишками. Подойдя ближе, все путники ощутили запах сырости, который исходил из глубоких недр.

— Смолинская — одна из самых протяжённых пещер в нашем крае, а внутри много гротов и коридоров. Вместе с ними почти километр будет длиной, заплутать легко можно, так что держитесь за мной. Кстати, в своё время в этой пещере обряды проводили старообрядцы, давно, в девятнадцатом веке, — Антоний говорил с гордостью и явно желая немного нагнать страху на юных спутников. — А главное — прошу не пугаться, в этой пещере огромная колония летучих мышей живёт.

Колдун, видно, хотел утратить именно Ламию, так как после слов об этих созданиях посмотрел на неё, но реакция девочки его раздосадовала.

— Правда? Дикие летучие мыши? Целая колония? Пошли же скорее, обожаю этих крылатых красавиц, — девочка зашагала в сторону входа в скалу.

— Постой, Ламия, — вмешался Всеслав. — Идём так же, как и шли: Антон впереди, я замыкаю, смотрим по сторонам, ищем странное, непонятное и подозрительное. Не забываем цель нашего визита. В этой пещере жил кот, именно здесь произошло первое нападение, отсюда украли некий артефакт. Мы тут не гуляем, а ищем улики!

Ламия покраснела от стыда. Она действительно забыла, зачем они здесь, немного потеряла голову от свежего воздуха и особенно от того, что увидит летучих мышей.

— Застегнитесь, приготовьтесь, в пещере гораздо прохладнее, чем на улице, — с этими словами Антоний ударил посохом о камень, на конце посоха загорелся свет, колдун сделал первый шаг в темноту. Саша, Ламия и Всеслав использовали заклинание «Дивий» и тоже вошли внутрь, освещая огоньками каменные стены. Сразу после входа в пещеру их ждал довольно сложный спуск под землю, но, как оказалось, Антоний уже несколько дней назад здесь побывал и подготовил всё необходимое для удобства и безопасности. Он был не только колдуном, но и прекрасным скалолазом и спелеологом. После спуска пещера выпрямилась и стала гораздо шире, можно было стоять уже в полный рост, не боясь что-либо задеть.

— Ну вот, мы добрались до Большой кельи. Это место так называли ещё старообрядцы, а вот там вот, — Антон указал лучом на стену коридора и высветил отверстие, — Дорога в Ад. Туда нам и надо, там котейка проживал.

Слова проводника эхом отражались от стен, что делало пещеру ещё более зловещей.

Пробираясь всё глубже под землю, Сашка сначала испытывал волнение, потом лёгкий испуг, а после того, как они залезли в коридор «Дорога в Ад», и вовсе испытал страх. Чем глубже протискивались путники по этому пути, тем страшнее ему становилось. Он

заметил ещё один лаз в стене и решил хоть как-то развеять неприятные мысли и тишину пещеры:

— А вот там вот вход в другой коридор, да? У него тоже название есть?

— Да, конечно, — Антон посмотрел, куда светит мальчик. — Это проход к Чёртовой пропасти.

«Да уж, зачем я спросил, — подумал Саша, — в этом месте точно не будет сладких слов и приятных названий, только черти, дьяволы да мыши».

Не успел он подумать, как тут же ему навстречу выпорхнула парочка летучих созданий. Чуть в него не врезавшись, они зацепились за выступ на потолке и замерли. Сашка сильно дёрнулся и издал крик от неожиданности.

— Ну-ну, чего испугался-то? Это всего лишь водяная ночница, я же предупреждал. Только не светите на них. Они же сумеречные животные, свет им очень неприятен.

Ламия не смогла скрыть радости от того, что она, девчонка, даже и глазом не моргнула, в то время как Сашка испугался безобидных малюток.

Прикрыв рукой свет от жезла, Ламия всмотрелась в потолок, чтобы получше разглядеть двух мышек, висящих вниз головами. Налюбовавшись на представителей местной фауны, все двинулись дальше.

— Ну вот, пришли, — сказал Антон, указывая на стену из камня. — Завал. Он очень древний, за ним до происшествия ни один человек не был, даже я, местный житель, недавно узнал секрет, и как раз от кошки. А теперь и вы прикоснётесь к великой тайне пещеры Смолинская.

Путь им преграждала плотная стена из камней когда-то обвалившегося потолка. Дальше хода не было, булыжники явно лежали уже сотни лет. Проводник начал колдовать, закрыл глаза, шепча что-то себе под нос, и стал гладить рукой камни, вырисовывая только ему понятные знаки. Но со стеной ничего не происходило: булыжники так и лежали на своих местах. Ещё несколько колдовских пассов, и Антон закончил.

— Прошу в логово Земляного кота, — он протянул ладонь в пригласительном жесте.

Сашка хотел было сказать, что стена-то на месте, куда идти-то, но заметил, как рука Антона легко прошла сквозь преграду. Каменная стена лежала на месте, но это была всего лишь иллюзия для затуманивания мозгов людям и прочим охотникам до сокровищ.

— Саш, ну ты чего замер-то? — сказала Ламия и прошла сквозь камни. Он последовал за ней.

Пройдя иллюзорный завал, путники очутились в большом, просто огромном зале. Стены были не каменные и даже не известняковые, как в пещере, а земляные. Во многих

местах из стен и потолка торчали корни. Недалеко от входа была устроена лежанка: много сена, листьев и шерсти было сложено в одну кучу, и выглядело это, как огромное гнездо.

— Это спальня у него такая была, — улыбаясь, произнёс Антоний, — отсюда он под землю входил, да и гулял под лесами нашими, поэтому его жилище уже не в скале, а именно в земле. А коридор в пещере, кстати, называется Дорогой в Ад потому, что кот рычал здесь, да и храпел, пока спал, а людины боялись, думали, что демоны звуки издают из преисподней. Глупые они, людины-то, верят во всякое недоказанное.

— Так значит, здесь его логово и тайник? — спросил Всеслав.

— Да, мне кошка рассказала, как войти сюда и где кот в лесу остался. Я пошёл его спасать, но было слишком поздно. Он лежал между берёз и от ран да кровопотери умер уже. А тех, кто его так повредил сильно, след простыл. Хотя я по лесу долго бегал, даже домовых своих к поиску привлекал — всё без толку.

— А где сам кот, ну, в смысле, тело его? — грустно спросил Всеслав.

— Я его сюда, в гнездо, обратно доставил, да вон там в дальнем углу схоронил, — Антоний направил луч посоха, высветив могилу. — Много сил потратили я и домовые, размером велик и веса котейка был немало, ну и без магии тоже, конечно, не обошлись.

Директор и ребята смотрели в другой конец зала. Антоний хорошо поработал в своё время: не просто закопал кота, а ещё и из камней создал могильный холм и символическое ограждение.

— Правда, пока могилку-то копали, кота в гнездо положили, я там не прибирался, лежанка вся кровью пропиталась, аккуратнее будьте, не испачкайтесь сильно.

— Хорошо! Давайте искать, может, хоть что-то найдём, какую-нибудь зацепку. Особенно внимательно осмотрите гнездо.

Все принялись исполнять наказ директора. Каждый сантиметр пещеры был освещён посохами и жезлами, всё было осмотрено, каждый клочок пола и стен. Но ничего, кроме пары огромных когтей, которые зверь когда-то сбросил, и чёрной лужи запёкшейся крови в гнезде найти не удалось. Никаких намёков на то, что за сокровище охранял, и кто убил кота, ничего!

— А ты, Антоний, точно уверен, что именно здесь напали на него впервые, а не в лесу, например?

— Я уверен только в том, Всеслав Борисович, что мне кошка поведала. Она прибежала ко мне в дом и сказала, что её котик спал у себя, как вдруг началась атака. Колдуны прошли сквозь иллюзию и принялись огнём стрелять. Бежал зверь из пещеры, дабы детей и суженую предупредить. Кошка схватила то, что охраняла, да с детьми скрылась в земле, пока кот бился с недругами в лесу, прикрывая их отступление. Рассказала

и про заколдованный вход в логово, попросила позаботиться о коте и побежала дальше, как оказалось, к вам в Москву. Хорошо, что я изучал земляных кошек и зелье готово было для разговора с ней, а кто другой попался бы ей на пути, так тайну и не узнали бы никогда про эту пещеру.

— Да, это действительно удачно. Мне она то же самое рассказывала. Но здесь никаких следов нет, даже отпечатков ног в земле, ботинок. Не летали же они над землёй во время атаки, — вслух размышлял Всеслав.

— Я, когда первый раз всё осматривал, тоже этому был очень удивлён. Большие профи работали: все свои следы скрыли, знали они, что на преступление идут и что их искать будут, понимали. Да и в лесу, на месте убийства, сокрыли всё довольно быстро — я же, не мешкая, побежал на помощь, но, когда прибёг, уже никого и ничего, — сказал Антоний.

— Да, ты прав, друг мой. Могущественные колдуны совершили это деяние. Ну что же, пойдёмте домой, сегодня нас постигла неудача. Отдадим последнюю дань защитнику сокровищ и пойдём.

С этими словами Всеслав подошёл к могиле кота, посмотрел на потолок, произнёс заклинание себе под нос. Из посоха вырвался тонкий красный луч. Словно лазер, он начал бурить потолок, всё больше углубляясь в землю. Через несколько секунд луч из посоха погас, и в то же мгновение дневной свет из небольшого отверстия в потолке упал на изголовье могилы. Всеслав пробурил до самой поверхности землю, чтобы солнце каждый день освещало место упокоения магического пушистого героя.

— Спи спокойно, котик. Пойдёмте, товарищи, попытаем счастья в другом месте. Я чувствую, что всё-таки скоро мы наткнёмся на подсказку, — промолвил Всеслав. Он поднял и положил в свою сумку когти кота и прошёл сквозь каменную стену обратно в пещеру.

Когда Сашка выходил из логова, он услышал шорох, как будто полы длинного платья шелестели. Обернувшись, посветил жезлом, но ничего не заметил, лишь земляной свод и торчащие из него корни.